

ОБ ИСТОЧНИКАХ И ПОЭТИКЕ СКАЗКИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ДИКИЙ ПОМЕЩИК»

М. А. Алякринская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы –
Северо-Западный институт управления, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается одна из известных сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик», в изучении которой, несмотря на наличие специальных исследований, еще много «белых пятен». Прежде всего, традиционная интерпретация сказки не соответствует современной историографии, разрушившей представление о «монолитности» российского дворянства периода реформ 1860-х гг.; кроме того, требует специальных комментариев и своеобразная поэтика «Дикого помещика». Автор статьи, на основании рассмотрения сказки в контексте творчества сатирика и публицистики его эпохи, приходит к выводу, что смысловые концепты, связанные с текстом произведения, неоднородны. С точки зрения поэтики сказка представляет собой сложный текст, сочетающей гротеск с психологизмом; большим количеством знаково-символических элементов и аллюзий.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, «Дикий помещик», газета «Весть», роман «Господа Головлевы», поэтика сказки.

Сказка «Дикий помещик», опубликованная в мартовском номере «Отечественных записок» 1869 г., в советском литературоведении интерпретировалась как социально-обличительная, высмеивающая «“глупость” дворянско-помещичьего класса периода его начавшегося исторического распада» [1, с. 449]. Подобные интерпретации не соответствуют современной историографии, разрушившей представление о «монолитности» российского дворянства периода «великих реформ» [16, с. 5]. Работы, появившиеся в последние годы, указывают на связи «Дикого помещика» с литературной традицией XVII [10] и XVIII [14] вв.; однако принципиальные вопросы, связанные с пониманием сказки, до сих пор остаются нерешенными. Различные исследователи акцентируют различные ее аспекты, видя в «Диком помещике» обличение «психики представителей эксплуатирующих групп и классов» [3, с. 416]; социального своекорыстия «сходящего с исторической арены дворянско-помещичьего класса» [8, с. 420]; тему «одичавшего человека», со-

© Алякринская М. А., 2024

относимую с «мотивом одичания при самодержавном режиме» вообще [11, с. 81]. Причина разногласий – в сложности и многоаспектности сказки, понять которую сложно без включения ее текста как в контекст творчества автора, так и в контекст политических и социальных споров эпохи. Известно, что Салтыков – «закрытый» писатель, рационалист и социальный философ, тяготеющий к «публицистическому осмыслению действительности» [9, с. 418]; каждое его произведение требует, как образно заметил в свое время Н. Г. Чернышевский, «двадцать томов комментариев». Кроме того, требует комментария и своеобразная поэтика «Дикого помещика», аналогов которой нет даже среди произведений сказочного цикла сатирика.

* * *

По структуре «Дикий помещик» распадается на две части: «культурную» и «дикую», которые пародийно соотнесены между собой. В начале «культурной» помещик, недовольный слишком большим количеством в своём поместье «мужика», донимает последнего штрафами, в результате чего «мужик» чудесным образом исчезает («...Вдруг поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись в воздухе посконные мужицкие портки» [12, т. 16-1, с. 23]). После этого помещик пытается вести прежнюю жизнь (он приглашает в имение знаменитого актера Садовского; организует светский прием; строит идеальные экономические проекты в духе времени; мечтает о карьере), однако без «мужика» «культурный» образ жизни получается плохо (в связи с чем помещика троекратно, как и положено по канонам сказочного жанра, объявляют «дураком»), но о дикости все-таки речи не идет; обращение героя в «человеко-медведя» совершается внезапно, причем мотивировано оно сказочно – высказанным вслух желанием: «Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев, от принципов отступил! И вот он одичал» [Там же, с. 28]. В наступившей «дикой» жизни помещик, казалось бы, преобразился радикально: оброс волосами (как Исав), начал ходить на четвереньках, лишился способности речи, наконец, свел дружбу с медведем. Но парадоксально, что при этом герой не столь уж сильно изменился внутренне: и в новом облике «человеко-медведя» угадываются дворянские притязания на военную службу («Хочешь, Михайло Иванович, походы вместе на зайцев будем делать? – сказал он медведю» [Там же]); свойственная аристократической (земельной) партии неприязнь к администрации, представлявшей лагерь сторонников реформ; но самое главное – помещик и в облике «человеко-медведя» сохранил верность ос-

новным прежним занятиям: если в культурной жизни он «охотился» на крестьян с целью «выпотрошить» их финансово, то в дикой – охотится на зайцев, что, в сущности, функционально представляет собой одно и то же действие. То есть существо героя не меняется: и в «культурной», и в «дикой» частях сказки он выступает в роли плотоядного социального хищника.

Хищничество – определяющая характеристика героя, именем которого названа сказка, и это не случайно: тема хищничества – одна из магистральных в творчестве Салтыкова вообще. Рассуждения на эту тему есть во многих произведениях сатирика 1860-х гг.: очерках «К читателю», «Наши глуповские дела», рассказе «Деревенская тишь»; непосредственно ей посвящен очерк «Хищники», опубликованный в «Отечественных записках» за два месяца до появления там «Дикого помещика». Хищничество рассматривается в этом очерке как «общий строй современной жизни» [12, т. 7, с. 143], как стихийный миропорядок, при котором сильные поедают слабых, и при котором как бы сами собой «упраздняются» нравственные вопросы: понятия «о добром и злом, о правом и неправом, о полезном и вредном» [Там же, с. 146]; при этом хищничеству «нет дела ... до завтрашнего дня», оно не боится всеобщего «обрушения» и не желает даже думать о том, что само может «обрушиться вместе с этим прочим» [Там же, с. 147]. Но, как заявляет автор-повествователь, хотя «порода хищников» наименее ему симпатична, представителей ее нельзя ненавидеть, ибо «всякий хищник, в сущности, до такой степени глуп, что он легко может съесть самого себя – и не заметить этого» [Там же]. Как представляется, этот рационалистический концепт во многом и лежит в основании сказки «Дикий помещик».

* * *

Поскольку хищничество, как полагал Салтыков в 1860-е гг., в России порождено «длительным царством бесправия» (крепостным правом. – М. А.), то логично, что под категорию «хищников» в его творчестве первыми подпали землевладельцы, находившиеся в оппозиции к правительственным реформам и объединившиеся в начале 1860-х гг. в «аристократическую» партию, органом которой стала газета «Весть», издававшаяся в 1864–70-х гг. В. Д. Скарятиним и Н. Н. Юматовым. Основателем, финансистом и вдохновителем газеты был Н. А. Безобразов – камергер, магистр Санкт-Петербургского университета, предводитель дворянства Петербургского уезда и автор многочисленных брошюр по вопросам, связанным с реформой. На одну из этих брошюр М. Е. Салтыков написал резкую рецензию; газету же «Весть» (в 1862–1863 гг. «Русский листок»)

он называл «смрадным листком», а при ее закрытии в 1870 г. заметил, что изложение теории, которую проповедовало издание, «в очень неотдаленном от нас будущем удастся только услышать разве в окружных домах, воздвигаемых ныне для всех скорбящих» [12, т. 9, с. 385]).

Газета «Весть», что отмечалось исследователями [14, с. 10], присутствует в «Диком помещике» на всем протяжении сюжета: ее постоянно читал герой («И был тот помещик глупый, читал газету «Весть»...» [12, т. 16-1, с. 23]); ею он руководствовался («Заглянет помещик в газету «Весть», как в сем случае поступать должно, и прочитает: «Старайся!» [Там же, с. 24]); ею укреплял свой дух («Несколько раз он ослабевал, но как только почувствует, что сердце у него начнет растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять» [Там же, с. 28]), и, наконец, ее (с целью предотвратить дальнейшие «чудачества») у него отобрали («Затем капитан-исправник ... отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал» [Там же, с. 30]). Таким образом, газета «Весть» является сюжетной «скрепой» действия, а для читателя эпохи 1860-х гг., как и современного исследователя – комментарием к происходящим событиям.

Базовой идеологемой газеты (составляющей также костяк взглядов героя сказки) была идея дворянства как «белой кости» – лучшего, благороднейшего сословия России. «Основных законов природы никто не изменит. Составление *высшего*, благородного слоя, *предназначенного к правлению* <...> (здесь и далее курсив мой. – М. А.) было и будет повсеместно потребностью обществ», – писал основатель газеты Н. А. Безобразов [2, с. 52]. Эта же идея красной нитью проходит сквозь множество материалов газеты: «...*Аристократизм породы* есть ... явление неизбежное» [5, 1865, № 16, с. 2]; «землевладеющее сословие» – тот класс людей, который Россия «выработала страшными усилиями и в котором *заключается вся цивилизация*, все зачатки гражданственности нашего отечества» [Там же, 1866, № 11, с. 1]. Кстати, именно в ключе концепции «улучшенной» человеческой породы понимал идеологию газеты М. Е. Салтыков: пересказывая сказку «Дикий помещик» в 1882 году, он скажет, что помещик начитался «рассказней о белой кости и алой крови» [12, т. 15-2, с. 234].

Постоянной темой газеты «Весть» была тема «обиженности» помещиков реформой, которая якобы проводилась исключительно в интересах крестьян и «бюрократии» (так газета именовала правительственных реформаторов). «Было бы... несправедливо забыть недавние жертвы, понесённые поземельным дворянством, – писала газета, – и обременить его, не дав даже оправиться, новыми тягостями. При распределении повинностей было бы, кажется, несправедливо не обратить должное внимание на теперешнее положение этого дворянства, забыв, с

другой стороны, те громадные льготы, которые крестьяне получили так недавно» [5, 1867, № 2, с. 1]. Защищая интересы помещиков, «Весть» утверждала, что они вынуждены «держаться постоянно в каком-то оборонительном положении, чтобы защищать свою собственность от беспрерывных покушений крестьян» [Там же, 1864, № 12, с. 3]. Что касается последних, то авторы газеты подчеркивали их склонность к разгильдяйству, один из членов Сельскохозяйственного Собрания даже заявил, что «если на Западе капиталисты эксплуатируют работника, то у нас, в России, работник эксплуатирует хозяина и капиталиста» [Там же, 1864, № 11, с. 3].

Исходя из этих тезисов, газета провозглашала принцип «твёрдости» как основной по отношению к крестьянскому сословию. Вообще слово «твёрдость» в контексте 1860-х гг. воспринималось как базовая характеристика аристократии, так, известная речь англomана графа В.П. Орлова-Давыдова на заседании Московского дворянского собрания в 1865 г., посвященная роли дворянства, завершалась словами: «...Необходимо содействие людей, которые, по независимости своего положения, по здравому пониманию общественных нужд, по потомственному и собственному интересу в общественном благоустройстве, *твёрды стойкостью своих правил*» ([Там же, 1865, № 4, с. 3]; здесь и далее курсив мой. – М. А.). Сообразно с этим и газета «Весть» свою программу характеризовала как «*твёрдое уважение* к праву собственности», для которого нужны «*твёрдость и последовательность*» [Там же, 1867, № 13, с. 2]. Ну, и, безусловно, эту твёрдость следовало продемонстрировать в отношении крестьян: «Мы часто слушаем гуманные речи о снисхождении к недоимщикам, мы часто читаем жалостливые описания аукционной продажи крестьянского имущества, коими надеются подействовать на слабонервных. Но забывают, кажется, что мы живём не в раю, что понятие о долгах и платежах еще не отменены, что законы о взыскании долгов еще существуют...» [Там же, 1866, № 6, с. 1]. Газета (в иносказательной форме) часто сожалела об отмене телесных наказаний; постоянно требовала усилить «меры взыскания» недоимок и долгов с крестьян [Там же, 1866, № 90, с. 1], «энергического преследования» нарушений «права и порядка» [Там же, 1868, № 1, с. 1].

В соответствии с указаниями газеты действует и дикий помещик, для которого слово «твёрдость» – одно из главных в лексиконе («Посмотрим, – говорит, – господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать *истинная твёрдость души!*» [12, т. 16-1, с. 26]; «Сенька! – крикнет он вдруг, забывшись, но потом спохватится и скажет, – ну, пускай себе до поры, до времени так постоит! а уж докажу же я этим либералам, что может сделать *твёрдость души!*» [Там же]; «Снится ему, что сам губернатор о такой его помещичьей *непреклонности* узнал

и спрашивает у исправника: “Какой такой *твердый* курицын сын у вас в уезде завелся?” Потом снится, что его за эту самую *непреклонность* министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры: «*Быть твердым и не взирать!*» [Там же, с. 26–27]; «Хоть бы в Чебоксары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значит *твердость души!*» – говорит помещик...» [Там же, с. 28]; «...Однако *твердость души* все еще не покидала его» [Там же]).

«Твердость» в языке дикого помещика (как и в публицистике «Вести») – система неуклонного «следования закону» в отношении крестьян, то есть политика «обузданий». О ней, собственно, и говорится в сказке («Сократил он их так, что некуда носа высунуть: куда ни глянут – всё нельзя, да не позволено, да не ваше!» [Там же, с. 24]). Салтыков был противником подобной репрессивной политики, утверждая, что одними «решительными мерами» общественного богатства не создашь (см. Письма о провинции, п. 10); кроме того, нельзя забывать, что в момент осуществления реформы писатель выступал как администратор («бюрократом» называл его публицист консервативного лагеря В. Ржевский). Как у администратора, у Салтыкова был свой взгляд на отношения помещиков и крестьян, высказанный в статьях конца 1850-х – начала 1860-х гг., таких, как «Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян»; «К крестьянскому делу», «Ответ г. Ржевскому», «Где истинные интересы дворянства» и других. Во многих из этих статей Салтыков (еще до основания газеты «Весть») критиковал «узко-дворянские» притязания; стремление земледельческого дворянства «добиться того, чтобы решение крестьянского вопроса было предоставлено одному высшему сословию, и стремление этой фракции <...> вознаградить себя за предстоящую утрату власти над крестьянами расширением политических прав дворянства...» [13, с. 32].

Статьи писателя по крестьянскому вопросу, безусловно, также могут служить комментарием к сказке «Дикий помещик». Так, в статье «Где истинные интересы дворянства» Салтыков, иронизируя над призывами консервативных публицистов к дворянству «утвердить свое политическое *преобладание* над прочими сословиями», настаивал на том, что дворянское звание не дает «никаких беспрекословных прав на преобладание»; в России необходимо не противопоставление, а сближение сословий, условием которого должно стать участие помещиков, «наравне с прочими членами обществ, в платеже государственных податей и земских повинностей» [12, т. 5, с. 134]. Против платежей дворянства «наравне с прочими» активно выступала газета «Весть», против них ополчается и дикий помещик, на вопрос капитан-исправника, кто подати платить будет, он заявляет: «Подати?.. это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность! Я, с своей стороны, платить не

согласен!» [Там же, т. 16–1, с. 27]. В этом эпизоде проявляется хищнический инстинкт собственника, потребительское отношение героя сказки к обществу и государству. Когда Салтыков писал о необходимости платежей дворян, он резонно отмечал, что «всякое право влечет за собою и обязанность» [Там же, т. 5, с. 135], но дикий помещик, не желая знать обязанностей, претендует исключительно на права, которые, как он считает, принадлежат ему по рождению. Самооценка героя гротескно не совпадает с реальностью; а стремление «съесть» что или кого угодно ради собственной выгоды оборачивается уходом от цивилизованных способов существования, дикостью.

* * *

Салтыков, квалифицировав явление хищничества социологически, не был бы писателем-реалистом, если бы не поставил вопроса о его воздействии на психику человека. Но, будучи к тому же и философом-моралистом просветительского толка, он пришел к выводу о том, что хищничество как способ существования разрушителен для личности, ведет к ее деградации. Еще одним источником сказки «Дикий помещик» можно считать задумывавшуюся сатириком в конце 1850-х годов «Книгу об умирающих». Книга эта не была написана, но ее отголоски и тематику, как отмечалось исследователями, можно усмотреть в рассказе «Деревенская тишь» и романе «Господа Головлевы». А. С. Бушмин отметил, что герой рассказа «Деревенская тишь» Кондратий Трифоныч наделен чертами как будущего Иудушки Головлева, так и дикого помещика [4, с. 558]; не случайно рассказ имеет ряд общих мотивов (и текстологических совпадений) со сказкой. Таким образом, задумкой и рядом мотивов оказываются объединены рассказ «Деревенская тишь», сказка «Дикий помещик» и роман «Господа Головлевы» (см. об этом также: [7, с. 286]). Некоторые текстуальные и смысловые переклички произведений можно увидеть в таблице:

Деревенская тишь	Дикий помещик	Господа Головлевы
Кондратий Трифоныч малый не злой <...>, но с некоторого времени нрав у него <...> переменился. Ванька <...> отзывался об этой перемене, что Кондратий Трифоныч спятил... [12, т. 3, с. 122]	И вот он одичал [Там же, т. 16-1, с. 28]	В короткое время Порфирий Владимырьч совсем одичал [Там же, т. 13, с. 215]

<p>Он думает о том, что вдруг будущим летом во всех окрестных имениях засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помещики не соберут и на семена, а он все сам-десять, все сам-десять. Он думает о том, что кругом все тихо, а у него в имении вдруг землетрясение! <...> и, о радость, на том самом месте, где у него рос паршивый кустарник, в одну минуту вырастает высокий и частый лес, за который ему с первого слова дают по двести рублей за десятину. <...> Он думает о том, что в Москве сгорело все сено, сгорели все дрова и неизвестно куда девался весь хлеб, что у него, напротив того, вследствие собственной благоразумной экономии, а также вследствие различных поощрений природы, всего этого накопилось множество, что он возит и продает, возит и продает... [Там же, с. 120]</p>	<p>И вот ходит он, ходит по комнатам, потом сядет и посидит. И все думает. Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб все паром да паром, а холопского духу чтоб нисколько не было. Думает, какой он плодовый сад разведет: «Вот тут будут груши, сливы; вот тут – персики, тут – грецкий орех!» Посмотрит в окошко – ан там все, как он задумал, все точно так уж и есть! Ломаться, по щучьему велению, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладет! <...> Думает, какой он клубники насадит, все двойной да тройной, по пяти ягод на фунт, и сколько он этой клубники в Москве продаст [Там же, с. 26]</p>	<p>Запершись в кабинете и засевши за письменный стол, он с утра до вечера изнывал над фантастической работой: строил всевозможные несбыточные предположения... В этом омуте фантастических действий и образов главную роль играла какая-то болезненная жажда стяжания [Там же, с. 215-216].</p> <p>Ничем не ограниченное воображение создает мнимую действительность, которая, вследствие постоянного возбуждения умственных сил, претворяется в конкретную, почти осязаемую. Это – не вера, не убеждение, а именно умственное распутство, экстаз... [Там же, с. 217]</p>
--	--	---

По приведенным фрагментам текста видно, что «Господа Головлевы» – в известной степени комментарий к действиям и героя рассказа «Деревенская тишь», и сказки «Дикий помещик». Безусловно, каждое из произведений отличается своей поэтикой и художественной идеей, но есть и сходство: везде мы видим героя, диагноз которого – «общая умственная и нравственная анемия» [Там же, с. 209]. Только в сказке идея вырождения личности трактована преимущественно в сатирическом плане, а в рассказе и особенно романе – в плане психологическом. Известная общность текстов свидетельствует о том, что в «Диком помещике» как бы совмещаются две писательские манеры Салтыкова: с одной стороны,

в общем сюжетном построении доминирует гротеск, а с другой – встречаются фрагменты, объяснимые только через поэтику психологического реализма, причем к этому реализму временами добавляются еще и рассуждения автора в духе морализма Просвещения. Все это делает сказку разноплановой с точки зрения художественной манеры, что, безусловно, затрудняет ее восприятие (не случайно при публичном чтении «Дикого помещика» актеры часто выбрасывают какие-то куски текста, по-видимому, представляющиеся им «лишними»).

Кроме того, в поэтике сказки значительную роль играют знаково-символические элементы, устойчиво повторяющиеся в произведениях Салтыкова 1860-х гг. Так, тема хищничества в очерках сатирика часто сопровождается мотивом еды, еда выступает как знаковое обозначение хищничества. В очерке «К читателю» Салтыков, рассказывая о «двух сортах» глуповцев: старших и меньших («Иванушек»), скажет про старших, что они «ничему никогда не сочувствовали, ни о чем не мыслили, ... а, так сказать, *ели жизнь*, как нечто съедобное, как сочный, еще *дымящийся кровью кусок говядины*» [Там же, с. 282]. В очерке «Наши глуповские дела» старшие глуповцы обвиняются уже в непосредственном поедании «Иванушек»: «...Мы пили, ели, спали, играли в карты, подписывали бумаги и, подобно сказочной Бабе-яге, припевали: «Покатаюся, поваляюся на Иванушкиных косточках, *Иванушкина мяса поевши!*» [Там же, с. 493]. Высшее гротескное воплощение мотив еды получает в символических картинах «пожирания» хищниками друг друга, в очерке «Хищники» даже поставлен парадоксальный вопрос о том, что же будет, когда сильные мира сего переедят всех слабых. На этот вопрос герой-хищник новой формации Феденька Козелков отвечает: «...Тогда мы начнем есть друг друга...»; при этом его не смущает даже перспектива исчезновения человечества: «Ведь кто женибудь да останется! <...> и я полагаю, что судьба этого оставшегося будет не из плохих...» [12, т. 7, с. 144]. Мотив пожирания хищником хищника (очевидный в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил») в сказке «Дикий помещик» проходит неявно, реализуясь в сне помещика, где герой видит себя Адамом (видимо, единственным «оставшимся» человеком. – М. А.). Существует точка зрения [10, с. 172], что этот сон вводит в сказку мотив «утраченного рая», гораздо более вероятно, что это антиутопия: прогноз вырождения человечества при царящем в мире хищничестве.

Тема хищничества у Салтыкова органически сопрягается с темой жизненного комфорта; писатель даже определил хищничество как «высшую ступень цивилизованного комфорталюбия» [12, т. 7, с. 139]. Пародийные портреты «комфорталюбцев»-хищников нарисованы в большом количестве произведений сатирика 1860–70-х гг.: очерках «К читателю», «Хищники», «Наши глуповские дела» и других. Поскольку герои тако-

го типа неустанно пекутся о себе, то имеют портретное сходство, так, к примеру, представитель «великого культурного слоя России» Петр Износков в «Недоконченных беседах» («высокий, широкогрудый, румяный и белый...») [Там же, т. 15-2, с. 197]) похож на дикого помещика, также культивирующего свое тело «мягкое, белое и рассыпчатое» [Там же, т. 16-1, с. 23].

Некоторых исследователей [11, с. 80] в сказке «Дикий помещик» удивляла кажущаяся «непоследовательность» сатирика: так, в начале помещик, желая избавиться от «мужика» высказывает, казалось бы, чисто прагматические соображения («А ну, как он у меня все добро приест?» [12, т. 16-1, с. 23]), но после исчезновения крестьян в тексте появляется другая – эстетическая – мотивировка, согласно которой основной причиной недовольства помещика временнообязанными являлся их запах, «холопский дух» («Ах, как это хорошо! – хвалят помещика генералы, – стало быть, теперь у вас этого *холопье*го запаха нисколько не будет?» [Там же, с. 25]; «Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб все паром да паром, а *холопского* духу чтоб нисколько не было» [Там же, с. 26]). Представляется, что непоследовательности здесь нет: в системе миропонимания Салтыкова комфорт и хищничество – вещи тесно взаимосвязанные, то есть желание нежить «тело белое, рыхлое, рассыпчатое» неизбежно связано с поеданием «Иванушек». Неприятие помещиком «холопского духа» – мотив, обыгрываемый как в социологическом, так и символическом ключе: известно, что в Древней Руси крестьяне назывались смердами – словом, этимологически связанным с понятием «запах» (Даль: «Холопа, как ни мой, он все смердит»); и название это отчасти сохранялось для крепостных [6, с. 392]. Этот символический смысл еще усиливается аллюзией на отсутствующую в «Диком помещике», но подразумеваемую сказочную формулу «русским духом пахнет», которая опять же обыгрывается двояко: и как знак социальной «аллергии» помещика на «мужика», и как намек на нерусскую фамилию героя, свидетельствующую о его далёкости от «русского духа».

О тюркской фамилии дикого помещика, приближенной к фамилиям дворянских родов России, писали исследователи [14, с. 10]; к сказанному можно лишь добавить, что мотив «татарщины» в связи с фамилией героя отчасти может быть полемической реакцией на употребление этого слова «Вестью»: газета неоднократно использовала слово «татарщина» как синоним слов «демократия, господство толпы». В.Д. Скарятин отмечал, что народ недалеко ушел от ступени, которая «близка к татарину...» [5, 1864, № 19, с. 4]; в статье «Способы поднятия охранительных сил страны» говорится, что в демократическую эпоху русское общество сделалось обожателем «грубости и татарщины» [Там же, 1865, № 8, с. 1]. Употребление тюркской фамилии в сказке парадоксально переворачивает

ситуацию: грубость и дикость – свойства не русского народа, а элиты, которая за счет этого народа существует (кстати, в очерке «К читателю» Салтыков также писал о «выродившихся» потомках Буеракиных и Оболдуй-Таракановых, используя для характеристики земледельческого дворянства фамилии, восходящие к тюркизмам).

Продолжая антропонимическую линию, следует заметить, что у помещика при наличии фамилии нет имени; что позволяет думать, что автор отказывает ему в христианском начале: действительно, существуя лишь инстинктами хищничества и самосохранения, герой по сути своей не может быть христианином. Не случайно помещик помещен в контекст сравнений Ветхого Завета, он сопоставлен не только с Адамом, но и Исавом, «человеком полей», искусным в звероловстве. Сближение идет не только по внешности («оброс волосами, как Исав»), но и по роду занятий (Исав – охотник); с Исавом связан также символический мотив продажи Первородства за чечевичную похлебку, т.е. земные, преходящие ценности. Само упоминание имени Исав, возможно, является аллюзией по поводу того, что крупное российское дворянство, возведшее комфорт в основную цель существования, готово продать прежние идеалы за глennую собственность. Если продолжить аналогию, то, соответственно, и привилегии с сословия, «продавшего» право Первородства, должны быть сняты – как были сняты они с Исав.

* * *

Поскольку смысловое поле «Дикого помещика» сконцентрировано вокруг фигуры помещика, возникает резонный вопрос: играют ли в сказке какую-либо роль крестьяне? С одной стороны, унесенные «мякинным вихрем» временнообязанные являются вторым главным (обобщенным) героем произведения; они на протяжении действия незримо присутствуют в тексте: ведь все, что происходит с помещиком, происходит вследствие их исчезновения. Но, с другой стороны, крестьяне выступают преимущественно в качестве лишенных голоса статистов; в их описании в начале сказки доминируют «посконные портки», а единственная их фраза «Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!» – не свидетельствует о разумном начале. Слуга помещика носит имя «Сенька», вокруг этого имени, как отметил В. Н. Топоров, вьется дух «комического», и это как-то связано «с сомнительностью самого имяносителя, неполноценностью его в некоем отношении» [15, с. 51]. Не случайно в крестьянах все время подчеркивается начало биологическое, «роевое»: согласно сюжету, они, конечно, сила созидаящая, но одновременно инстинктивная и стихийная, отсюда образ «отроившегося роя мужиков», который легко «обратить», посадить «в плетушку» и послать в уезд.

Отчасти комментарием к «крестьянскому» плану сказки может служить письмо шестое «Писем о провинции», где высказан известный афоризм о том, что русский мужик «беден всеми видами бедности <...> и – что всего хуже – беден сознанием этой бедности» [12, т. 7, с. 248]. Отсюда – «раболепное тяготение» темной массы к силе и ее равнодушное отношение «не только к общим интересам, но даже и к тем, которые ближайшим образом затрагивают ее собственную жизнь» [Там же, с. 253]. Тем не менее, несмотря на некоторый скептицизм, автор сказки относится к крестьянам с симпатией, доказательство чему мы и видим в сказке: «Услышал милостивый бог слезную молитву сиротскую...» [Там же, т. 16–1, с. 24].

* * *

Сказка «Дикий помещик» как бы подводит итог теме крестьянской реформы в творчестве М.Е. Салтыкова 1860-х гг., так или иначе включая в себя мотивы художественных и публицистических произведений, написанных ранее; кроме того, отдельные мотивы сказки «перекидываются» и на более поздние произведения сатирика, в частности, на роман «Господа Головлевы». Смысловые концепты, связанные со сказкой, неоднородны, еще С.А. Макашин заметил, что многие произведения Салтыкова полифоничны: содержат, наряду с социологической, социально-этическую, социально-историческую, психологическую тематику [9, с. 217]. Многоаспектна, что очевидно в результате ее рассмотрения, и сказка «Дикий помещик»: в социологическом ракурсе – это обличение хищничества как общественного явления; в ракурсе социально-историческом – приговор «аристократической» земледельческой партии русского дворянства, мнившей себя «высшим слоем» в государстве и пытавшейся добиться максимальных выгод для себя при проведении крестьянской реформы; с точки зрения психологической – заглядывание в глубины сознания хищника и вывод о неизбежной деградации личности, потребительски (хищнически) относящейся к миру; и, наконец, с точки зрения моральной – это осуждение хищничества и «комфортотлюбия» как жизненного кодекса, который не способствует общественному развитию, а напротив, ведет человечество к вырождению. Все эти темы присутствуют в тексте «Дикого помещика», тесно переплетаясь между собой в поэтике сказки – органически цельной, сочетающей гротеск с элементами психологического реализма, а также большим количеством знаково-символических элементов и аллюзий; фольклорные сказочные формулы – с философскими и публицистическими выкладками. Все это делает текст «Дикого помещика» явлением сложным: стилистически разнородным, аккумулирующим большое количество многообразных поэтических элементов, тем и смыслов.

Список литературы

1. Баскаков В. Н. Комментарии к сказке «Дикий помещик» // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 16. Кн. 1. Москва : Художественная литература, 1974. С. 449–450.
2. Безобразов Н. А. Развязка вотчинного вопроса с точки зрения охранительной // Безобразов Н. А. Труды по вотчинно-поместному вопросу : в 3 ч. Ч. 2. Санкт-Петербург : Издание автора, 1860. С. 27–75.
3. Бушмин А. С. Сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 16. Кн. 1. Москва : Художественная литература, 1974. С. 414–437.
4. Бушмин А. С. Невинные рассказы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Т. 3. Москва : Художественная литература, 1965. С. 553–559.
5. Весть. Санкт-Петербург, 1864–1870.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. Москва : АСТ, 2001. 962 с.
7. Иванов-Разумник Р. В. М. Е. Салтыков-Щедрин : Жизнь и творчество. Ч. 1. Москва : Федерация, 1930. 381 с.
8. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути : Биография. Москва : Художественная литература, 1984. 575 с.
9. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы : Биография. Москва : Художественная литература, 1989. 526 с.
10. Николаева С. Ю. О литературном генезисе «Сказочной трилогии» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Тенденции развития современной отечественной филологии : Материалы научно-практической конференции. Тверь : Тверской государственный университет, 2019. С. 164–175.
11. Рейсер С. А. К изучению сказки Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» // Филологические науки. 1977. № 4. С. 80–85.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений : в 20 т. Москва : Художественная литература, 1965–1977.
13. Семевский В. И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М. Е. Салтыкова. Петроград : Задруга, 1917. 112 с.
14. Строганова Е. Н. О сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 6–13.
15. Топоров В. Н. О мифологическом образе Семена и Семеновны в русской традиции // Семантика имени (Имя-2). Москва : Языки славянской культуры, 2010. С. 44–69.
16. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция великим реформам : конец 1850 – середина 1870-х гг. Москва : Русское слово, 2002. 429 с.

SOURCES AND POETICS OF “THE WILD LANDOWNER” FAIRY TALE BY M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

M. A. Alyakrinskaya

Russian Academy of Public Administration – North-West Institute
of Management, Saint Petersburg

The article issues one of the most famous fairy tales of M. E. Saltykov-Shchedrin – “The Wild Landowner”. However, despite specialized studies

exist, still there are a lot of “gaps” in the study of this work. First of all, the traditional interpretation of the tale does not correspond to modern historiography, destroying the idea of the “monolithic” Russian nobility of the 1860s reform period; in addition, the peculiar poetics of “The Wild Landowner” requires special comments. The author of the article, considering the fairy tale in the context of the satirist’s work and publicism of his epoch, comes to the conclusion that the semantic concepts associated with the text of the work are heterogeneous. From the point of view of poetics the fairy tale is a complex text, combining grotesque with psychologism; a large number of sign-symbolic elements and allusions.

Keywords: *M. E. Saltykov-Shchedrin, “Wild Landowner”, newspaper “Ves-tia”, novel “Gentlemen of Golovlevs”, poetics of fairy tale.*

Об авторе:

АЛЯКРИНСКАЯ Марина Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления Российской академии государственной службы (170100, Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43), e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru.

About the author:

ALYAKRINSKAYA Marina Andreevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Journalism and Media Communications Department, Russian Academy of Public Administration – North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Sredniy prosp. V.O., 57/43), e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.